Выкуп за мертвеца

Автор:
Эллис Питерс

Выкуп за мертвеца

Эллис Питерс

Хроники брата Кадфаэля #9Шедевры исторического детектива (Рипол)

Брат Кадфаэль раскрывает очередную тайну в романе «Выкуп за мертвеца» (1984). Это история несостоявшегося обмена попавшего в плен шерифа Шропшира на молодого знатного валлийца, схваченного при набеге на монастырь.

Эллис Питерс

Выкуп за мертвеца

Ellis Peters

Dead Man's Ransom

© Ellis Peters

© Издание на русском языке. Storyside. 2022

© Фрадкина Е. З., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Видите того пожилого монаха

в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль

возится в своем садике:

собирает лекарственные травы,

ухаживает за кустами роз.

Вряд ли кому придет в голову,

что перед ним – бывший участник

крестовых походов, повидавший полмира

бравый вояка и покоритель женских сердец.

Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую

выступать не только в роли врачевателя

человеческих душ и тел, но и в роли

весьма удачливого, снискавшего славу детектива,

ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной

тихую бенедиктинскую обитель.

Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»

происходит в Англии XII века,

где бушует пожар междоусобной войны.

Императрица Матильда и король Стефан

не могут поделить трон, а в подобной неразберихе

преступление – не такая уж редкая вещь.

Так что не станем обманываться

мирной тишиной этого утра.

В любую секунду все может измениться…

Глава первая

В тот день, седьмого февраля 1141 года от Рождества Христова, во время каждой службы монахи возносили особые молитвы. Они молились не за победу одних или поражение других в тех битвах, что велись на севере, но за торжество разума и прекращение кровопролития в этой братоубийственной войне.

«Все это прекрасно, – подумал брат Кадфаэль, усердно молившийся вместе с остальными, – но вряд ли эти молитвы найдут отклик в стране, раздираемой междоусобицей. Даже Бог не может обойтись без помощи людей, чтобы сделать их разумными и милосердными».

Шрусбери отрядил значительные силы для направлявшейся на север армии короля Стефана. Дело в том, что графы Честерский и Линкольнский вознамерились основать там свой собственный палатинат. Эти единокровные братья, в тщеславии своем пренебрегшие королевской милостью, имели немало сторонников. В просторной церкви было многолюднее, чем обычно. Встревоженные жены молились за своих мужей, матери и отцы – за сыновей. Ведь далеко не всем, кто ушел вместе с шерифом Жильбером Прескотом и его помощником Хью Берингаром, суждено было вернуться в Шрусбери целыми и невредимыми. Слухи множились, а вести не шли. Однако стало известно, что Честер и Линкольн, которые долгое время не примыкали ни к одному из претендентов на престол и вынашивали собственные честолюбивые планы, внезапно приняли решение. Напуганные вестями о наступлении короля Стефана, они послали за помощью к его сопернице, императрице Матильде. Таким образом, они скомпрометировали себя, и, возможно, им еще предстояло пожалеть об этом опрометчивом шаге.

После вечерни Кадфаэль вышел из церкви с тяжелым сердцем, сомневаясь в действенности своих молитв. Он даже не был уверен в их искренности, хотя усердствовал как мог. Тот, кто опьянен властью и ослеплен честолюбием, не сложит оружия и никогда не смилуется над тем, кого задумал убить.

Король Стефан двинулся с войском на север. Предательство неблагодарного Честера просто взбесило отважного, простодушного и вечно колеблющегося короля, и он увлек за собой многих здравомыслящих людей, не оставив им времени на размышления. Поспешное выступление могло обернуться неожиданными последствиями, а добрые люди Шропшира оказались втянутыми в это предприятие вместе со своим господином. Так обстояло дело и с близким другом Кадфаэля – Хью Берингаром из Мэзбери, помощником шерифа графства Шропшир. Должно быть, его жена с нетерпением ждала в городе новостей. Годовалый сын Хью Берингара был крестником Кадфаэля, и монаху разрешалось навещать его в любое время – обязанности крестного отца священны. Решив отказаться от ужина в трапезной, брат Кадфаэль направился к воротам аббатства. Он зашагал по большой дороге. Слева виднелась мельница аббатства и мельничная протока, справа – лесная полоса, защищавшая монастырские сады Гайи. Перейдя мост через Северн, сверкавший в морозном свете звезд, Кадфаэль вошел в городские ворота.

Над дверями дома Хью, находившегося рядом с церковью Святой Марии, горели факелы, горели они и на Хай-Кросс. Кадфаэлю показалось, что на улице гораздо

оживленнее, чем обычно бывает зимним вечером. В воздухе ощущалась еле уловимая тревога. Не успел Кадфаэль ступить на каменную плиту у крыльца, как к нему с распростертыми объятиями бросилась Элин. Когда она узнала Кадфаэля, выражение ее лица осталось приветливым, но блеск в глазах исчез.

– Увы, это не Хью! – печально вымолвил Кадфаэль, понимая, для кого так широко распахнули двери. – Пока что не он. Значит, есть новости? Они возвращаются домой?

– Час тому назад, когда еще не стемнело, Уилл Уорден прислал весточку. С башни увидели, как сверкают доспехи. Тогда эти воины были далеко, а сейчас, наверное, уже у главных ворот замка. Пойдем к очагу, Кадфаэль, подождем его там. – Справившись со своим нетерпением, Элин втащила монаха в дом и решительно захлопнула дверь. – Хью с ними, – добавила она, уловив в глазах Кадфаэля отражение своей собственной беззаветной любви и тревоги. – На башне узнали его цвета. Войско в боевом порядке. Но, конечно, вернуться суждено не всем.

Да, не всем. Войско, ушедшее в бой, всегда возвращается с потерями, и пустые места зияют в стройных рядах, раня душу. Жаль, что это ничему не учит тех, кто посылает людей в бой. Однако верность присяге сильнее страха, и это, по-видимому, следует считать добродетелью. В конце концов, каждого из нас с самого рождения ожидает смерть, и ее не избежать ни трусам, ни героям.

– А Уорден не сообщил, как дела? – спросил Кадфаэль.

– Нет. Но ходят слухи, что неважно. – Элин произнесла это спокойно и непринужденно, отведя золотистую прядь со лба. Этой стройной молодой женщине шел двадцать первый год, а у нее уже имелся годовалый сын. У нее была очень белая кожа, а у мужа – смуглая. Девическая застенчивость Элин сменилась мягким достоинством. – У нас в Англии все так быстро меняется, за приливом неизбежно следует отлив. – Она с живостью рассуждала на эту тему, но деловитость и твердость давались ей, видимо, с трудом. – Ты, должно быть, голоден! Ведь ты ушел, не дождавшись ужина. – В ней заговорила гостеприимная хозяйка. – Посиди здесь немножко и понянчи крестника, а я сейчас принесу мясо и эль.

Малыш Жиль, который был очень рослым для годовалого ребенка, передвигался по комнате осторожно, но на удивление быстро, цепляясь за лавки и сундуки. Он добрался до очага и самостоятельно вскарабкался на колени Кадфаэля, обтянутые выцветшей черной рясой. Жиль без умолку лепетал нечто невразумительное, но время от времени в его речи проскальзывало какое-нибудь слово, имевшее смысл. Мать мальчика и ее верная служанка Констанс много говорили с ним, а он внимательно слушал и ворковал в ответ.

«Ну что же, нам нужны ученые лорды, – подумал Кадфаэль, придерживая ребенка, чтобы тот не упал с колен. – Неизвестно, что он выберет – сутану или меч, но острый ум ему нигде не помешает».

Наследник Хью был теплый, словно щенок, усевшийся на коленях, – от невинной детской плоти пахло свежеиспеченным хлебом.

– Он ни за что не хочет идти спать, – пожаловалась Элин, входя с деревянным подносом и ставя его на сундук возле очага. – Он чувствует. Понятия не имею, каким образом он узнал, – ведь я ничего не говорила. Дай-ка его мне, а сам поешь. Наверное, нам придется долго ждать, поскольку Хью появится только после того, как закончит все дела в крепости.

Они прождали больше часа. Констанс убрала со стола и унесла Жиля, у которого слипались глаза. Он уснул прямо на руках служанки. Кадфаэль на слух не жаловался, но Элин первой услышала легкие шаги на пороге и встрепенулась. Однако ее сияющая улыбка тут же угасла, так как шаги были неверные.

– Он ранен!

– Просто ноги занемели от долгой езды, – возразил Кадфаэль. – Но идет он сам. Беги скорее к нему.

Элин ринулась к дверям, и Хью оказался у нее в объятиях. Она с головы до ног осмотрела уставшего и продрогшего мужа, убедилась, что он не ранен, и лишь после этого успокоилась и, не выказывая тревоги, украдкой следила за каждым его движением. Хью был стройным молодым человеком невысокого роста, ненамного выше жены, – черноволосый и чернобровый. Сейчас он на время утратил гибкость и легкость движений, и не мудрено – ведь он столько часов провел в седле. Улыбнувшись, Хью поцеловал жену, дружески хлопнул Кадфаэля

по плечу и с глубоким хриплым вздохом рухнул на скамью с подушками, стоявшую возле очага. Он осторожно вытянул ноги – правая у него явно болела. Опустившись на колени, брат Кадфаэль стянул с него заледеневшие сапоги, от которых на полу, устланном тростниковыми циновками, потянулись ручейки.

– Вот добрая христианская душа! – сказал Хью, наклонившись, и потрепал друга по тонзуре. – Мне самому уже не дотянуться. Боже, и устал же я! Ну да ничего, главное – все дома, и я тоже.

Появилась Констанс, с едой и горячим поссетом, за ней – Элин, с домашней одеждой мужа. Под конец пути Хью ехал налегке, в кожаной куртке, скинув кольчугу. Обеими руками он растер онемевшие от холода щеки, с удовольствием расправил плечи перед пылающим огнем очага и с облегчением вздохнул. Кадфаэль и Элин смотрели, как тот молча ест. Хью был так измучен, что даже голос его сел.

– Твой сын изо всех сил старался не заснуть, – оживленно рассказывала Элин, следя за каждым движением мужа. – Он даже пытался придерживать веки пальцами. Он здоров и даже за такое короткое время немного вырос – спроси у Кадфаэля. Жиль уже пошел и не плачет, если упадет. – Она не предложила разбудить и принести сына. В такой день не до ребенка, даже очень любимого.

Закончив ужин, Хью откинулся на подушки и широко зевнул. Затем улыбнулся жене и неожиданно привлек ее к себе. Констанс унесла поднос и вновь наполнила кубок, затем тихонько прикрыла дверь комнаты, где спал Жиль.

– Не беспокойся обо мне, любовь моя, – сказал Хью, прижимая к себе Элин. – Просто я весь день был в седле, да и пару синяков заработал. Мы падали и ушибались, как Жиль, а подниматься ой как непросто! Я привел обратно многих из тех, кто ушел с нами на север, но не всех – увы, не всех! И с нами нет шерифа – нет Прескота! Надеюсь, что он не убит, а захвачен. Понятия не имею, кто взял его в плен – Роберт Глостерский или валлийцы.

– Валлийцы? – переспросил Кадфаэль, навострив уши. – Как так? Ведь Овейн Гуинеддский никогда не сражался за императрицу. Зачем ему ввязываться в драку теперь, если он всегда держался в стороне и только выигрывал от этого? Не такой он дурак! Зачем ему становиться на сторону одного из своих врагов? Да он скорее предоставит им возможность перегрызть друг другу глотку!

– Вот слова доброго монаха-бенедиктинца! – воскликнул Хью, улыбнувшись, и не без удовольствия заметил, что Кадфаэль покраснел. – Нет, сам Овейн рассудителен и обладает здравым смыслом, но, к сожалению, у него есть брат. В сражении участвовал Кадваладр со своими лучниками, а с ним – Мадог ап Мередит из Повиса. Они разграбили Линкольн и рыскали по полю боя, подбирая всех, за кого можно получить выкуп, – даже полуживых прихватили с собой. Боюсь, в числе прочих они взяли и Жильбера. – Он поудобнее устроился на подушках. – Впрочем, главный трофей достался не валлийцам, – мрачно продолжал Хью. – Сейчас Роберт Глостерский приближается к своему городу, он везет императрице Матильде пленника, который стоит целого царства. Одному Богу известно, что теперь будет, но я, по крайней мере, знаю, что следует делать лично мне. Мой шериф теперь далеко, и нет никого, кто бы мог назначить его преемника. Графством придется управлять мне, и я буду делать это по мере своих сил, пока фортуна не переменится. В Линкольне захвачен в плен король Стефан, и теперь его везут в Глостер.

Язык у Хью развязался, ему необходимо было выговориться, чтобы не только ввести слушателей в курс дела, но и самому осознать, на каком он свете. Теперь он должен был управлять целым графством, и ему предстояло отвечать за него, охранять и командовать гарнизоном именем короля, находившегося в плену.

– Не успели мы подойти к Линкольну, как Ранульф Честерский ускользнул из крепости и сбежал из города, враждебно настроенного к нему. Ранульф устремился к Роберту, чтобы попросить у императрицы помощи, а взамен поклялся ей в верности. Ведь жена Ранульфа – родная дочь Роберта. Ранульф оставил ее вместе с графом Линкольнским и его женой в крепости, за стенами которой бурлил возмущенный город. Когда появился Стефан со своим войском, город встретил его ликованием. Теперь бедные горожане за это расплачиваются. Итак, мы вошли в Линкольн, и город был наш, а крепость обложена. Зима сыграла нам на руку: Роберту предстояло проделать неблизкий путь, который затрудняли снегопады и заносы. Однако этого человека не так-то легко удержать.

– Я никогда не бывал на севере, – сказал Кадфаэль, и глаза его загорелись. Он ощутил волнение в крови, которое ему всегда было так трудно усмирять. Дни, когда он рубился в битвах, давно миновали, и он отказался от оружия, но когда его друзья сражались, он не мог сохранять спокойствие. – Ведь Линкольн, кажется, расположен на холмах? К тому же гарнизон был окружен. Город легко было удержать независимо от того, подошел Роберт или нет. Что же произошло?

– Ну, положим, мы, как всегда, недооценили Роберта, но дело не в этом. Там прошли сильные дожди, река к югу и западу от Линкольна разлилась, так что вброд было не перебраться, а мост охраняли. Но Роберту каким-то образом удалось переправиться! Он ринулся в реку, и что же оставалось его людям, как не следовать за ним? Роберт крикнул: «Только вперед, обратной дороги нет!» Это рассказал нам один из пленников. Они шли такой плотной стеной, что почти никого не унесло течением. Им еще предстояло подняться в гору, на самую вершину холма, – но Стефан есть Стефан! Неприятель разбил лагерь внизу, на затопленных полях. А надо сказать, во время мессы все знамения были против Стефана – ты же знаешь, он никогда не обращает на это внимания. Как думаешь, что сделал наш король? Так вот, с присущим ему безрассудным благородством, за которое я и люблю его, и проклинаю, Стефан приказал своему войску спуститься с холма, чтобы биться с неприятелем в равных условиях. – Хью пожал плечами и усмехнулся, не зная, восхищаться ему или сердиться. – Войско неприятеля выстроилось на самом сухом месте в этом болоте, прихваченном морозом. В первый ряд Роберт поместил конницу, состоявшую из вассалов императрицы Матильды, которые, примкнув к ней, лишились всех своих земель на востоке. Этим людям нечего было терять, они горели жаждой мщения. А наши рыцари могли потерять все, и поскольку находились вдали от дома, то рвались назад укреплять границы своих владений. А тут еще эта толпа валлийцев, жадных до добычи, – их-то добро в полной безопасности на западе! На что же нам было надеяться? Когда враг ударил по нашей коннице, пять графов дрогнули и обратились в бегство. На левом фланге фламандские наемники Стефана отбросили валлийцев, но ты же знаешь своих соплеменников: они быстро отступили, перегруппировались и снова двинулись вперед. Когда валлийцы пошли в наступление, побежала фламандская пехота вместе со своими капитанами Вильгельмом Ипрским и тен Эйком. Лошадь под Стефаном была убита, остатки пехоты и конницы собрались вокруг короля. Противник пошел в атаку, и я потерял из виду Жильбера. Ничего удивительного – вокруг кипел рукопашный бой, каждый видел лишь острие своего меча, которым защищал собственную жизнь. Тогда у Стефана еще был в руках меч. Клянусь, ты никогда не видел в бою такого неустрашимого воина, как наш король! Его нелегко вывести из себя, но тут он пришел в ярость. Сражаться с ним было все равно что пытаться взять крепость. Его окружала гора трупов, и врагам приходилось карабкаться по ней, чтобы тоже упасть замертво от меча Стефана. К нему устремился сам Ранульф – а надо отдать ему должное, его не так-то легко напугать. Он мог бы превратиться еще в один камень в этом валу, окружавшем короля, но тут у Стефана сломался меч. Кто-то сунул ему в руки боевой топор, но Ранульф успел отпрыгнуть в сторону. И вот в этот момент один из нападавших схватил булыжник и запустил им в Стефана. Потеряв сознание,

король повалился на землю, и тут его захватили в плен. А меня накрыла следующая волна, – горестно продолжал Хью, – и я был погребен под телами. Я очнулся, когда короля уже утащили и враг ворвался в город. Они принялись грабить и разорять Линкольн, но до того, как они вернулись и стали обходить поле боя, подбирая все самое ценное, я успел собрать остатки нашего войска. Людей оказалось больше, чем я ожидал. С парой помощников я занялся поисками Жильбера. Не найдя его и видя, что неприятель возвращается, мы покинули поле боя. Да и что нам оставалось?

– Ничего, – твердо ответил Кадфаэль. – Слава Богу, что ты уцелел и сумел столько сделать. Сейчас ты нужен Стефану именно здесь, чтобы сберечь для него это графство.

Кадфаэль мог бы этого не говорить, ибо Хью и так все знал, иначе не ушел бы из Линкольна. Что касается проигранной битвы, этот вопрос не стали обсуждать. Нужно было сохранить и увести домой как можно больше жителей Шрусбери, и этот свой долг Хью выполнил.

– Королева, супруга Стефана, сейчас в Кенте, и графство полностью в ее власти. Она располагает сильной армией, у нее в руках весь юг и восток, – сказал Хью. – Она будет добиваться освобождения мужа из плена. Это еще не конец. Все можно исправить. Пленника можно освободить.

– Или обменять, – с сильным сомнением в голосе заметил Кадфаэль. – Нет ли у нас в плену какой-нибудь важной птицы, которую можно обменять на короля? Впрочем, я сильно сомневаюсь, что императрица согласилась бы обменять Стефана на одного из трех своих главных лордов. Даже на самого Роберта Глостерского, сколь бы беспомощна она ни стала, лишившись его. Нет, она ни за что не выпустит своего пленника и теперь прямиком ринется к трону. Думаешь, князья церкви будут долго стоять у нее на пути?

– Ну что же, – подытожил Хью, потягиваясь и морщась от боли, – по крайней мере, я знаю, что следует делать мне. Сейчас именем короля Шропширом правлю я, и я позабочусь о том, чтобы сохранить для Стефана это графство в его границах.

Через два дня брат Кадфаэль вернулся в монастырь, дабы присутствовать на мессе, которую по распоряжению аббата Радульфуса служили за упокой всех погибших в Линкольне. Особенно много молитв возносилось за жителей этого северного города, ставшего добычей армии, жаждавшей мщения. Этих несчастных лишили всего имущества, кое-кто из них расстался с жизнью. Многие горожане сбежали из Линкольна и теперь в зимнюю непогоду скитались по лесам и дорогам. Никогда еще за последние три года Шропшир не находился так близко к полям сражений. Сейчас поблизости орудовал граф Честерский, окрыленный успехом и жаждавший новых завоеваний. Все гарнизоны Хью, понесшие потери, готовились дать отпор врагу.

После мессы все вышли во двор, и Хью задержался, о чем-то беседуя с аббатом. В этот момент возле сторожки возникло какое-то движение, и в главных воротах показалась процессия. Четыре крепких крестьянина в домотканой одежде выступали уверенным шагом; двое держали наготове натянутые луки, третий взвалил на плечо алебарду, а у четвертого в руках была пика. Окруженная ими со всех сторон, на маленьком муле ехала полная женщина средних лет, облаченная в черную рясу бенедиктинской монахини. Белый плат обрамлял румяное круглое лицо с правильными чертами и ясными карими глазами. Женщина была в мужских сапогах, ряса схвачена поясом, чтобы удобнее было ехать верхом. Спешившись, монахиня распустила пояс одним движением руки. Теперь она спокойно стояла, высматривая, к кому бы обратиться.

– К нам пожаловала сестра-монахиня, но я ее не знаю, – заметил аббат, с интересом разглядывая гостью.

Кадфаэль, который не спеша направлялся через двор в свой сарайчик, тоже заметил суматоху у ворот и остановился при виде знакомой фигуры. Ему уже приходилось встречаться с этой особой, которую, по его мнению, стоило запомнить. Вероятно, она тоже не без удовольствия припомнила Кадфаэля, так как, заметив его, тут же поспешила навстречу. Сопровождавшие монахиню крестьяне, довольные тем, что благополучно доставили ее до места, остались у сторожки. Вид у них был благодушный и вовсе не смущенный.

– Ну конечно, я узнаю эту походку, – с довольным видом сказала монахиня. – Ты – брат Кадфаэль и как-то приезжал в нашу обитель по делу. Я рада, что опять встретила тебя, – я тут никого не знаю. Ты представишь меня аббату?

– Я горжусь, что мне выпала такая честь, – ответил Кадфаэль. – Как раз теперь он наблюдает за тобой. Минуло уже два года, с тех пор как мы свели знакомство… Мне ему сказать, что он сподобился принимать у себя сестру Авис?

– Сестру Магдалину, – произнесла монахиня с деланной скромностью и слегка улыбнулась. Хотя улыбка была мимолетной, на щеке монахини появилась очаровательная ямочка, запомнившаяся Кадфаэлю еще с прошлой встречи. Он тогда все не мог решить, откажется ли на новом поприще сестра Магдалина от ямочки, или, напротив, эта ямочка станет самым грозным ее оружием. Кадфаэль заморгал и почувствовал, что монахиня это заметила. В Авис из Торнбери всегда было нечто от заговорщицы, и любому мужчине начинало казаться, что он – единственный, кому она доверяет. – А что касается моего дела, оно связано с Хью Берингаром, – деловито продолжила сестра Магдалина. – Ведь, насколько мне известно, Жильбер Прескот не вернулся из Линкольна. В Форгейте нам сказали, что Берингар здесь – иначе пришлось бы искать его в крепости.

– Да, Хью здесь, – подтвердил Кадфаэль. – Только что закончилась служба, сейчас он беседует с аббатом Радульфусом. Вон там.

Сестра Магдалина бросила взгляд в указанном направлении и, судя по выражению лица, осталась довольна увиденным. Аббат Радульфус оказался выше среднего роста, прямой, как копье, и жилистый – худое лицо с орлиными чертами и спокойный проницательный взгляд. И хотя Хью был на голову ниже собеседника и не делал никаких жестов, чтобы привлечь внимание, он редко оставался незамеченным. Сестра Магдалина окинула его оценивающим взглядом – она разбиралась в сильном поле и умела распознать настоящего мужчину.

– Ну что же, прекрасно, – заключила она. – Пойдем, я засвидетельствую аббату свое почтение.

Заметив, что гостья в сопровождении Кадфаэля собирается подойти к нему, Радульфус вместе с Хью направился им навстречу.

– Отец аббат, – обратился к нему Кадфаэль, – это сестра Магдалина из нашего ордена. Она из Полсвортской обители, которая находится в нескольких милях к юго-западу отсюда. Это у Годрикс-Форда, в лесу. У сестры Магдалины также есть дело к Хью Берингару как к шерифу графства.

Сестра Магдалина, сделав грациозный поклон, приложилась к руке аббата:

– По правде говоря, святой отец, то, что я хочу поведать, относится ко всем, кто отвечает тут за покой и порядок. Брат Кадфаэль бывал в нашей обители и знает, как трудно нам приходится в столь неспокойное время. Наш монастырь стоит на отшибе и соседствует с Уэльсом. Возможно, брат Кадфаэль объяснит то, что не сумею я.

– Добро пожаловать, сестра, – вымолвил Радульфус, рассматривая гостью столь же пристально, как и она его. – Брат Кадфаэль нам поможет в случае необходимости. Надеюсь, ты со мной отобедаешь. А что касается тех, кто тебя сопровождает, – вижу, как ревностно они тебя охраняют, – то я распоряжусь, чтобы о них позаботились. А это Хью Берингар, которого ты ищешь. Вероятно, вы еще не знакомы.

Хотя сестра Магдалина повернулась к Хью и Кадфаэль теперь видел ее в профиль, он не сомневался, что на щеке монахини появилась ямочка.

– Милорд, я до сих пор не имела такого счастья, – произнесла сестра Магдалина, и было неясно, что это – изысканная любезность или озорство. – Мы не встречались раньше. Мне как-то пришлось беседовать с вашим шерифом. Я слышала, что он не вернулся вместе с вами и сейчас, возможно, находится в плену. Весьма сожалею об этом.

– Я тоже сожалею, – ответил Хью. – Надеюсь, его удастся выкупить. Судя по твоему эскорту, сестра, у тебя были причины опасаться лесной дороги. Полагаю, теперь, когда я вернулся, это дело касается и меня.

– Давайте пройдем в мою приемную, – предложил аббат, – и послушаем там рассказ сестры Магдалины. А ты, Кадфаэль, передай, пожалуйста, брату Дэнису, чтобы он предоставил хорошие комнаты сопровождающим сестры Магдалины, а потом присоединяйся к нам. Твои познания могут нам пригодиться.

Когда некоторое время спустя Кадфаэль вошел в приемную аббата, сестра Магдалина сидела подле очага. Она поджала под себя ноги и прислонилась к обшитой панелями стене. Кадфаэль потихоньку разглядывал женщину, с теплотой вспоминая минувшее. Много лет тому назад Авис из Торнбери, тогда

молодая красивая девушка, стала возлюбленной барона. Она относилась к этой связи как к честной сделке и возможность избавиться от бедности и усвоить благородные манеры считала справедливой платой за свое тело. Авис оставалась верна этому деловому соглашению до самой смерти барона и даже относилась к последнему с теплотой и нежностью. Потеряв одно поприще, предоставлявшее широкие возможности для ее недюжинных способностей, Авис с присущей ей решительностью занялась поисками другого занятия, не менее выгодного, – а надо сказать, что в ее возрасте это было не так уж и легко. Настоятельница обители у Годрикс-Форда и аббатиса Полсвортской обители, должно быть, изумились появлению подобной послушницы, но, вероятно, увидели в Авис из Торнбери нечто, ради чего ее стоило принять в орден. Женщина, которая была верна данному слову и честно выполнила свои обязательства в одном случае, несомненно, так же поступит и в другом. Правда, весьма сомнительно, чтобы она пришла в монастырь по призванию, однако при должном терпении и усердии она могла многого добиться.

– Когда в январе стала завариваться каша в Линкольне, – рассказывала сестра Магдалина, – до нас дошли слухи, что кое-кто из валлийцев готов взяться за оружие. Я полагаю, они поступали так не из-за фанатичной преданности, а из-за возможности поживиться, когда столкнутся две партии. Принц Кадваладр Гуинеддский начал собирать войско, и валлийцы из Повиса заявили, что присоединятся к нему и выступят на помощь графу Честерскому. Таким образом, мы были предупреждены еще до того, как началась битва.

Разумеется, именно сестра Магдалина обратила внимание на слухи. Кто еще среди набожных монахинь маленькой обители мог почуять, откуда ветер дует, и разобраться в отношениях между претендентами на престол, валлийцами и англичанами, а также честолюбивым графом и его алчным сородичем?

– И поэтому, святой отец, мы ничуть не удивились, когда четыре дня тому назад к нам прибежал парень с арендованного участка и рассказал, что отряд валлийцев опустошил делянку и хлев его отца, а вся семья сбежала на восток. Валлийцы напились в разоренном доме, бахвалясь, что скоро выпотрошат женский монастырь у Годрикс-Форда. Ясное дело, по пути домой охотники никогда не откажут себе в удовольствии добавить еще несколько голов дичи к своим трофеям. Тогда до нас еще не дошли слухи о захвате Линкольна, – продолжала сестра Магдалина, встретив внимательный взгляд Хью. – Но мы приняли предостережение к сведению. Кратчайший путь, которым Кадваладр должен вернуться с добычей в свою крепость в Аберистуите, лежит поблизости

от Шрусбери. По-видимому, принц все еще опасается приближаться к городу, хотя знает, что гарнизон крепости понес потери. А вот в нашем лесу он чувствовал себя спокойно. Что стоит справиться с горсткой женщин? Имело прямой смысл задержаться на денек, чтобы нас ограбить.

– Это случилось четыре дня тому назад? – спросил Хью, насторожившись.

– Нет, четыре дня тому назад прибежал мальчик. Он в безопасности, и его отец тоже. Но их скот угнали на запад. Минуло три дня с тех пор, как валлийцы добрались до нас. У нас был день на подготовку.

– Только презренные трусы нападают на беззащитных женщин, – с отвращением и гневом вымолвил Радульфус. – Позор валлийцам и всем тем, кто затевает подобные низости. А мы тут и не подозревали о ваших бедах!

– Не тревожьтесь, святой отец, мы благополучно пережили эту бурю. Наш монастырь все еще стоит, его не ограбили, ни одна из наших монахинь не пострадала, а люди, живущие в лесу, отделались легкими царапинами. Мы не такие уж беззащитные. Валлийцы появились с запада, а там путь им преградил наш ручей – брат Кадфаэль знает эти места.

– Вообще-то, этот ручей – не очень надежная преграда, – с сомнением сказал Кадфаэль. – Правда, этой зимой шли сильные дожди, но ведь нужно охранять и брод, и мост.

– Это так, но добрым соседям недолго собрать целое войско. Лесные жители относятся к нам с симпатией, а они крепкий народ. – Четверо молодцов из войска сестры Магдалины в этот самый момент подкреплялись в сторожке мясом, хлебом и элем, гордые собой и довольные своими подвигами. – Вода в ручье и так поднялась, а мы к тому же нарыли в броде ям – на случай, если валлийцы все же рискнут переправиться. А еще мельник Джон открыл створы плотины. Что касается моста, мы подпилили опоры и, привязав к ним веревки, протянули в кусты. Как ты помнишь, берега там густо поросли деревьями. Находясь в укрытии, мы могли в нужный момент дернуть за веревки. Все мужчины, живущие в лесу, явились с мотыгами, вилами и луками и выстроились вдоль нашего берега, чтобы разобраться с теми, кому удастся переправиться.

Ни у кого не возникло ни малейшего сомнения относительно того, чьими стараниями врагу подготовили столь грозный прием. Эта женщина сидела перед ними, спокойная и безмятежная, как счастливая деревенская мать семейства, рассказывающая о своих детях и внуках, которыми гордится, но по мудрости своей не дает им этого заметить.

– Лесники – великолепные лучники, – продолжала сестра Магдалина. – Мы расставили их под деревьями вдоль нашего берега. А на противоположном берегу тоже спрятались наши люди, чтобы преследовать неприятеля, когда тот побежит.

Аббат слушал гостью с почтительным видом, его приподнятые брови выражали сдержанное удивление.

– Насколько я помню, мать Мариана в преклонных летах и хрупкого здоровья. Должно быть, набег сильно напугал и расстроил ее. Аббатисе повезло, что у нее есть ты и что она могла передать свои полномочия такой отважной и одаренной заместительнице.

Кадфаэлю подумалось, что кроткая улыбка сестры Магдалины вызвана воспоминанием о том, как металась беспомощная мать Мариана, обезумевшая от страха.

– Наша настоятельница была в то время не совсем здорова, – уклончиво вымолвила монахиня, – но, слава Богу, сейчас поправилась. Мы уговорили ее запереться в церкви вместе со старшими сестрами, взяв с собой наши реликвии и все самое ценное, и молиться там за наше спасение. Несомненно, их молитвы помогли нам больше, чем луки и мотыги. Все прошло как по маслу, и мы совсем не пострадали.

– Однако я полагаю, что не их молитвы заставили валлийцев отказаться от своих замыслов, – заметил Хью, с одобрительной улыбкой глядя в невинные глаза Авис. – Предчувствую, что мне придется заняться починкой изгородей в ваших краях. Что же было дальше? Ты сказала, что все закончилось благополучно. Вы воспользовались веревками?

– Да. Валлийцы хлынули лавиной, и мы, позволив им дойти по мосту почти до самого берега, дернули за веревки. Первая волна попада?ла в ручей, а те, кто

пытался перейти вброд, попали в наши подводные ямы, и их унесло течением. А после того как наши лучники дали первый залп, валлийцы пустились наутек. Парни, поджидавшие их в укрытии на том берегу, бросились вдогонку. Мельник Джон уже закрыл створы, и, если пару недель не будет дождя, мы поставим новый мост. Трое валлийцев утонули в ручье, остальных отступавшие вытащили и унесли с собой. Всех, кроме одного. Из-за него-то я к вам и приехал. Молодого валлийца снесло вниз по течению, и мы его вытянули на берег. Он нахлебался воды и лишился сил. Мы его откачали. Можете его забрать когда угодно. При нынешнем положении дел он может вам очень пригодиться.

– Как любой валлийский пленник, – сказал оживившийся Хью. – Где вы его содержите?

– Мельник Джон держит его под замком. Я побоялась взять этого юношу с собой, и не без причины. Он шустрый, как зимородок, и скользкий, как угорь. Его можно удержать, лишь связав по рукам и ногам.

– Мы позаботимся о том, чтобы доставить его сюда в целости и сохранности, – с жаром вымолвил Хью. – А кто он такой? Он назвал свое имя?

– Он говорит только по-валлийски, а я не знаю этого языка, да и никто у нас им не владеет. Этот валлиец молод, одет как принц и, судя по надменным манерам, вполне может оказаться принцем. Нет, это не простой крестьянин.

– Я завтра же заберу его, – пообещал Хью. – Сердечно благодарен тебе за все. К утру я подготовлю отряд, и мы выедем. Кроме всего прочего, мне бы хотелось самому взглянуть на эту границу. Если бы ты могла тут заночевать, сестра, мы бы доставили тебя домой под охраной.

– Да, это было бы очень хорошо, – вмешался аббат. – Наш странноприимный дом и все, чем мы располагаем, к твоим услугам. Твои соседи, оказавшие тебе такую помощь, также желанные гости для нашего аббатства. Тебе безопаснее возвратиться вместе с вооруженным отрядом. Ведь неизвестно, не рыщут ли сейчас по лесу наглые мародеры.

– Я в этом сомневаюсь, – возразила сестра Магдалина. – По пути сюда мы не заметили ничего подозрительного. Соседи сами не позволили мне пуститься в путь в одиночку. Однако я с радостью воспользуюсь вашим гостеприимством,

отец, и буду благодарна вам за вашу компанию, милорд, – сказала она, задумчиво улыбаясь Хью.

– По правде говоря, – сказал Хью Кадфаэлю, когда они вместе вышли во двор, оставив сестру Магдалину обедать у аббата, – было бы правильнее, если бы я назначил сестру Магдалину главнокомандующим, а не предлагал ей свою защиту. Жаль, что ее не было с нами при Линкольне, когда нашим врагам удалось переправиться через реку. Ведь тогда неприятель не смог бы этого сделать. Наша с ней завтрашняя совместная поездка, несомненно, будет для меня и приятной, и полезной. Я почтительно выслушаю все советы этой женщины.

– Поездка будет взаимно приятной, – искренне согласился Кадфаэль.

Сестра Магдалина дала обет безбрачия и не нарушит его, но она не давала клятвы отворачиваться от настоящего мужчины и не ценить его общества. Вряд ли кому-либо по силам склонить ее к этому, ибо сие означает швырять в лицо Богу щедрые дары Его.

На следующий день после заутрени во дворе аббатства собрался небольшой отряд. Тут были сестра Магдалина со своей охраной и Хью с полудюжиной вооруженных воинов из гарнизона крепости. Брат Кадфаэль наблюдал, как они садятся на коней. Он подошел к монахине и тепло попрощался с ней.

– Боюсь, мне будет нелегко привыкнуть к твоему новому имени, – улыбнулся он.

При этих словах ямочки на щеках сестры Магдалины вновь заиграли, но тут же исчезли.

– Ах вот как! Значит, ты думаешь, что я до сих пор ни в чем не раскаялась? Впрочем, так оно и есть. Но ведь эти добрые женщины так радостно приняли падшую сестру, и для них было таким утешением, что они меня спасли! Как я могла отказать им в том, чего они столь жаждали и что считали подобающим? Я предмет особой гордости этих славных монахинь, и они мною похваляются.

– Ну что же, у них есть для этого все основания, – заметил Кадфаэль. – Ведь именно ты отвела от их гнезда беду, а иначе их могли ограбить, похитить или даже убить.

– А вот им кажется, что мой поступок не очень женственный, хотя они и рады спасению. Все эти голу?бки трепетали, но я-то никогда не была голубкой. И только мужчины способны восхищаться ястребом во мне.

Улыбнувшись Кадфаэлю, сестра Магдалина села на своего низкорослого мула и направилась домой в сопровождении мужчин, половина которых восхищалась ею втайне, а другая половина страстно желала выказать ей свое восхищение. Где бы ни появлялась Авис из Торнбери – при дворе или в святой обители, – взоры всех мужчин обращались ей вслед.

Глава вторая

Хью вместе с пленником возвратился до наступления сумерек, обследовав западную опушку Долгого Леса и не повстречав в пути никаких валлийцев или разбойников. Кадфаэль увидел своего друга, когда кавалькада проезжала мимо монастырской сторожки, направляясь через город к крепости. Там молодого валлийца, который, по-видимому, был важной птицей, можно было посадить под замок и, не полагаясь на его честное слово, держать в темнице. Хью готов был на все, лишь бы не упустить такого пленника.

Кадфаэль только мельком успел взглянуть на молодого человека и в сгущавшихся сумерках не разглядел его как следует. Вероятно, юноша доставил своим стражам много хлопот в пути – руки его были связаны, ноги прикреплены к стременам, а лошадь, на которой он сидел, вели в поводу. Позади пленного ехал лучник. Если все эти меры были направлены на то, чтобы молодой человек не сбежал, то цель была достигнута; если же его хотели запугать (так, вероятно, считал и он сам), то из этого ничего не вышло. Пленник держался вызывающе и презрительно насвистывал, время от времени бросая через плечо фразы, предназначенные для лучника. Если бы тот столь же хорошо, как Кадфаэль, понимал валлийский язык, он бы отнесся к ним менее невозмутимо. В общем, молодой человек был весьма развязен и спесив. Впрочем, отчасти то могла быть и бравада.

Это был очень красивый юноша среднего роста – высокомерно вздернутый подбородок, румяное лицо, голова непокрыта. Ветер трепал густые темные волосы, которые локонами спадали на лоб и плечи. Несмотря на связанные руки, юноша крепко сидел в седле. Голос его был чистым и звонким. Сестра Магдалина не погрешила против истины: валлиец и впрямь был одет как принц, а судя по манерам, был высокомерен и, как решил Кадфаэль, безнадежно испорчен. Так нередко случается, когда у юноши приятная внешность, да к тому же он единственный сын.

Отряд проследовал через Форгейт, и презрительное, но мелодичное посвистывание пленника постепенно замерло за мостом. Брат Кадфаэль вернулся в свой сарайчик и принялся раздувать жаровню, чтобы приготовить свежий настой из шандры, предназначенный для лечения простуды.

На следующее утро из крепости приехал Хью с просьбой отпустить брата Кадфаэля, так как на бедре у пленного оказалась незатянувшаяся рана. Он ободрал бедро о камни в реке. Юноша изо всех сил скрывал свою рану от монахинь.

– Сдается мне, – усмехнулся Хью, – что парень скорее бы умер, чем снял штаны при дамах. И надо отдать ему должное, вчера он ничем не выдал, как дорого обошлись ему те несколько миль, которые нам пришлось проехать. Он покраснел, как девица, когда мы, заподозрив неладное, заставили его раздеться.

– И вы не перевязали ему рану, оставив парня на всю ночь без всякой помощи? Так я тебе и поверил! А ну-ка, признавайся, зачем я тебе понадобился! – потребовал проницательный Кадфаэль.

– Ты хорошо говоришь по-валлийски, причем на северном диалекте, а этот парень определенно из Гуинедда, это один из людей Кадваладра. А заодно ты можешь его подлечить. Мы обращаемся к нему по-английски, но он только мотает головой и отвечает по-валлийски, хотя, судя по его нахальному взгляду, он все прекрасно понимает. Так что поговори-ка с ним по-английски и замани этого молодого наглеца в ловушку. Пусть считает, что его оскорбления на валлийском сходят за любезности.

– Если бы сестра Магдалина знала о его ране, она бы с ним быстро справилась, – задумчиво произнес Кадфаэль. – И он мог бы сколько угодно краснеть – ничего бы ему не помогло.

После этих слов монах отправился давать указания брату Освину, на которого оставлял свой сарайчик, уезжая с Хью в крепость. Исповедуясь, Кадфаэль всегда каялся в греховном своем любопытстве. Ну что же, в конце концов, он валлиец, а генеалогия у валлийцев столь запутанная, что этот упрямый мальчишка вполне может оказаться его дальним родственником.

В крепости с должным уважением отнеслись к силе, ловкости и изобретательности пленника и потому его заключили в помещение без окон, каменный мешок. Впрочем, ему предоставили все необходимое. Кадфаэль вошел в темницу один, дверь у него за спиной захлопнулась. Светильник, тускло освещавший помещение, был всего-навсего фитилем, плававшим в блюдечке с маслом, однако видно было сносно, так как свет отражался от светлых каменных стен. Узник искоса взглянул на рясу бенедиктинца, не зная, чего ожидать. Выслушав вежливое приветствие поанглийски, юноша столь же учтиво ответил по-валлийски, но затем только качал головой с извиняющимся видом, притворяясь, что не понимает ни слова. Однако он с готовностью отозвался, когда брат Кадфаэль развязал свой заплечный мешок и разложил мази и примочки. Возможно, за ночь юноша образумился и теперь был рад, что его раной займутся. От верховой езды рана открылась, но должна была вскоре зажить, если ее не беспокоить. Пленник был строен и гибок, под кожей играли мускулы.

– Глупо, что ты столько времени терпел, – небрежно бросил Кадфаэль по-английски. – Сейчас бы все уже затянулось, и ты бы забыл об этой ране. Ты что, дурачок? В нынешнем положении тебе придется научиться благоразумию.

– У англичан мне нечему учиться, – ответил юноша по-валлийски, по-прежнему качая головой, чтобы показать, что не понял ни слова. – И никакой я не дурачок, иначе был бы такой же болтливой сорокой, как ты, бритая голова.

– Тебя бы подлечили в обители у Годрикс-Форда, – с невинным видом продолжал Кадфаэль, – а так ты потерял столько дней.

– Глупые женщины, – нагло сказал юноша. – К тому же старые и уродливые.

– Эти глупые женщины вытащили твою светлость из воды и насухо отжали, – наконец взорвался Кадфаэль, отчеканивая каждое слово по-валлийски. – И если у тебя не найдется ни слова благодарности этим женщинам на языке, им понятном, то ты просто неблагодарная тварь, позорящая Уэльс. Да будет тебе известно, мой прекрасный паладин, что в мире нет ничего старее и уродливее, чем неблагодарность. А также ничего глупее. У меня прямо руки чешутся от желания содрать с тебя повязку, чтобы такой бесстыжий щенок немного помучился.

Теперь пленник сидел на каменной скамье выпрямившись, с разинутым ртом. Его красивое лицо стало совсем детским. Пристально глядя на Кадфаэля, он судорожно сглотнул и густо покраснел.

– Я втрое больше валлиец, чем ты, дурачок, – сказал Кадфаэль, остывая, – и, насколько могу судить, втрое старше. А теперь переведи дух и отвечай, но только поанглийски, иначе, клянусь тебе, заговори ты со мной еще раз без крайней необходимости по-валлийски, я тут же уйду и оставлю тебя наедине с твоей глупостью, а это невеселая компания. Ну как, мы поняли друг друга?

Некоторое время юноша колебался, готовый прийти в ярость, так как не привык к подобному обращению, но затем откинул голову и расхохотался над собственной глупостью, восхищаясь хитро расставленной ловушкой. К счастью, природа наделила его добродушием, поэтому он не был безнадежно испорчен.

– Вот так-то лучше, – вымолвил обезоруженный Кадфаэль. – Конечно, можно насвистывать и важничать, но зачем притворяться, что ты не знаешь английского?

– Еще день-два, и я бы узнал, что меня ожидает. Мне хотелось разобраться, что к чему.

– А нахальство должно было придать тебе сил? Не стыдно ли поносить святых женщин, спасших тебе жизнь?

– Я не ожидал, что кто-то меня поймет, – возразил пленник и тут же великодушно признал: – Согласен, это нехорошо. Но птица, попавшая в сеть,

готова клюнуть любого от досады и желания вырваться на свободу. И потом, я не хотел произносить ни слова, пока не раскушу тех, кто взял меня в плен.

– К тому же ты не хотел, чтобы узнали, кто ты такой, боясь, что за тебя запросят большой выкуп, – проницательно предположил Кадфаэль.

Темноволосая голова опустилась. Юноша взглянул на собеседника, явно прикидывая, чего не стоит говорить, но потом слова хлынули потоком.

– По правде говоря, еще задолго до нашего набега на женский монастырь меня сильно беспокоила вся эта дикая затея. Овейн Гуинеддский ничего не знал о войске своего брата, и он будет недоволен нами, а когда Овейн недоволен, тут уж держись. Я поступил опрометчиво, ввязавшись в это дело, и теперь сожалею об этом. Я не хотел причинять вреда вашим монахиням, но как же мне было держаться в стороне? А потом я позволил взять себя в плен горстке старух и крестьян! Да я стану посмешищем у себя дома! – Юноша пожал плечами и добродушно усмехнулся при мысли о том, как над ним будут потешаться. Тем не менее такая перспектива явно была для него мучительна. – Если Овейну придется заплатить за меня большие деньги, это тоже для меня плохо. Он не из тех, кто легко расстается с золотом, чтобы выкупать дураков.

Этот молодой человек определенно был лучше, чем показалось на первый взгляд. Сначала он ругал других, а теперь честно и мужественно перешел на самого себя. Он начинал нравиться Кадфаэлю.

– Я тебе вот что скажу. Чем выше твоя цена, тем дороже ты будешь Хью Берингару, у которого ты в плену. И это не из-за золота. Дело в том, что шериф нашего графства, похоже, находится в плену у валлийцев и Хью Берингар хочет его вернуть. Если ты сто?ишь не меньше шерифа и окажется, что он жив, скоро ты сможешь отправиться домой. И это ничего не будет стоить Овейну Гуинеддскому, который никогда не желал впутываться в подобные дела и рад будет лишний раз подтвердить это, отдав нам Жильбера Прескота.

– Ты действительно так думаешь? – Глаза молодого человека прояснились, щеки запылали. – Значит, мне следует заговорить? И у меня есть возможность оказаться на свободе, причем и валлийцы, и англичане останутся довольны? Да я о таком и мечтать не мог!

– И не заслужил такого! – напрямик сказал Кадфаэль. Юноша сперва хотел надуться от обиды, но затем встряхнул черными локонами и добродушно ухмыльнулся. – Ну ладно, ладно! А теперь расскажи-ка свою историю, потому что мне ужас как любопытно! Нет, постой, я схожу за Хью Берингаром, чтобы тебе не пришлось рассказывать дважды. И тогда мы все вместе попробуем прийти к соглашению. Зачем тебе лежать тут впотьмах на каменном полу, когда ты можешь разгуливать по всей крепости?

– Сдаюсь! – ответил юноша, загоревшись надеждой. – Исповедуй меня, я ничего не утаю.

Узник заговорил, причем оказался весьма разговорчивым. Душа у него была открытая, и молчание давалось ему нелегко. Хью слушал пленника с непроницаемым лицом, но Кадфаэль умел читать по его тонким подвижным бровям и блестящим черным глазам.

– Меня зовут Элис ап Синан, моя мать – двоюродная сестра Овейна Гуинеддского. Он мой сюзерен. Когда умер мой отец, Овейн Гуинеддский отдал меня на воспитание моему дяде Гриффиту ап Мейлиру, а сам приглядывал за мной. Я вырос вместе со своим двоюродным братом Элиудом, мы с ним как родные братья. Жена Гриффита тоже приходится принцу дальней родственницей, а сам Гриффит занимает высокое положение среди его военачальников. Овейн ценит нас. Он не оставит меня в плену, – уверенно заключил молодой человек.

– Несмотря на то что ты, как собачонка, побежал за его братом на битву, в которой сам Овейн не захотел участвовать? – спросил Хью без улыбки, но и не жестко.

– Да, – столь же уверенно сказал Элис. – Но честно говоря, уж лучше бы я не ввязывался в это дело, и я еще пожалею, когда вернусь и предстану перед Овейном. Он с меня шкуру сдерет. – Однако эта мысль, по-видимому, не вызывала у Элиса особого уныния. На лице промелькнула усмешка, правда несколько неуверенная, так как он не знал, чего ожидать от Хью. – Я свалял дурака. Не в первый раз и, надо думать, не в последний. Вот у Элиуда больше здравого смысла. Он очень серьезный и придерживается тех же взглядов, что и Овейн. Впервые наши пути разошлись. Как жаль, что я тогда не прислушался к

Элиуду, он всегда оказывается прав. Но мне не терпелось увидеть сражение, и я, как последний дурак, увязался за Кадваладром.

– Ну и как тебе понравилось сражение, которое ты видел? – сухо спросил Хью.

Размышляя, Элис закусил губу:

– Это был честный бой… Вы там были? Значит, сами знаете, что мы показали себя не так уж плохо. Перейдя реку вброд, мы построились на замерзшем болоте, окоченевшие и дрожащие… – Это пьянящее воспоминание внезапно вызвало у него в памяти другую картину, гораздо менее героическую, – попытку переправиться вброд через ручей Годрика и ее бесславное завершение. Его выудили из воды, как тонущего котенка. Он лежал, уткнувшись лицом в грязь, и, икая, изрыгал воду. Поймав взгляд Хью, он понял, что тот отгадал его мысли, и нашел в себе силы усмехнуться. – Ну что же, река не держит ничью сторону, равно охотно она заглатывает и валлийцев, и англичан. Но тогда, в Линкольне, я ни о чем не сожалел. Это был честный бой, – повторил он. – А вот после, в городе, мне стало тошно. Если бы я знал заранее, то не стал бы ввязываться во все это. Но я оказался там, и уже ничего нельзя было изменить.

– Тебе было тошно от того, что сделали с Линкольном, однако ты вместе с соплеменниками отправился грабить к Годрикс-Форду, – резонно заметил Хью.

– А что мне оставалось делать? Пойти против всех моих товарищей и, задрав нос, заявить, что они идут на дурное дело? Нет, я не такой уж герой! – искренне признался Элис. – И все-таки я никому не причинил зла. Меня взяли в плен, и я не в обиде. Так мне и надо! И вот теперь я здесь, в вашем распоряжении. Я прихожусь Овейну родней, и, узнав, что я жив, он захочет меня вернуть.

– В таком случае мы с тобой можем прийти к разумному соглашению, – сказал Хью. – Вероятно, мой шериф в плену у валлийцев. Если это так, его нетрудно будет обменять на тебя. У меня нет никакого желания держать тебя под замком в темнице, если ты будешь себя хорошо вести в ожидании исхода переговоров. Дай слово, что не попытаешься сбежать, и можешь свободно ходить по крепости.

– Даю слово! – пылко воскликнул Элис. – Даю слово, что не сбегу и не ступлю за ворота, пока вы не вернете своего человека и не позволите мне уйти.

На следующий день брат Кадфаэль снова навестил Элиса, чтобы убедиться, что рана не загноилась. Но все шло благополучно, рана стала затягиваться, и не должно было остаться даже шрама.

Элис ап Синан оказался обаятельным молодым человеком, открытым, как маргаритка в полдень. Кадфаэль задержался, желая разговорить его, что получилось у него без особого труда и принесло обильные плоды. Теперь Элису нечего было скрывать, его собеседником был снисходительный старший соплеменник, так что юноша выкладывал все начистоту.

– Я сильно поспорил с Элиудом по поводу этого опрометчивого шага, – горестно сказал Элис. – Он заявил, что затея эта нехороша для Уэльса и, какую бы добычу мы ни захватили, она не окупит и половины нанесенного ущерба. Как всегда, он оказался прав, но почему-то это не обидно – вот что удивительно! На Элиуда невозможно сердиться. По крайней мере, я не могу.

– Дети, выросшие вместе, часто близки, как родные братья, я это знаю, – заметил Кадфаэль.

– Гораздо ближе, чем братья. Мы как близнецы. А ведь Элиуд и впрямь появился на свет на полчаса раньше меня, и он всегда ведет себя как старший. Он сейчас из-за меня с ума сходит, так как думает, что я утонул в ручье. Хоть бы поскорее совершился этот обмен и Элиуд узнал, что я жив и по-прежнему буду его изводить.

– Наверное, тебя оплакивает кто-то еще кроме твоего друга и брата. Ты еще не женат? – спросил Кадфаэль.

Элис состроил рожу, как шаловливый мальчишка:

– Угроза брака уже висит надо мной. Мои родные еще ребенком обручили меня, но сам я не спешу с этим делом. Правда, таков общий жребий, и, когда человек достигает зрелости, нужно думать о землях, владениях и браке.

Он говорил об этом как о бремени, которое рано или поздно придется на себя взвалить. Элис определенно не был влюблен в свою невесту. Вероятно, они

вместе играли в детстве, но теперь она его совершенно не занимала.

– А быть может, она больше тревожится о тебе, чем ты о ней, – предположил Кадфаэль.

– Ха! – усмехнулся Элис. – Только не она! Если бы я утонул в ручье, ей бы подыскали другую партию, ничуть не хуже. Ни она меня не выбирала, ни я ее. Однако я не говорю, что она против. Нам обоим могли сосватать кого-нибудь и похуже.

– Кто же эта счастливица? – сухо осведомился Кадфаэль.

– Ну вот, ты уже начинаешь меня подкусывать, поскольку я с тобой откровенен, – весело упрекнул его Элис. – Я же не говорю, что я подарок! Вообще-то, эта девушка хороша. Маленькая темноволосая особа, умная и по-своему красивая. Ну что же, если мне все-таки придется жениться, она вполне сойдет. Ее отец – Тудур ап Рис, владетель Трегейриога в Синллейте. Он из Повиса. Тудур – близкий друг Овейна и придерживается тех же взглядов, что и принц. А ее мать из Гуинедда. Девушку зовут Кристина. Она считается одной из лучших невест, – без всякого воодушевления сказал Элис. – Да так оно и есть на самом деле, только я бы мог пока что подождать.

Они прогуливались по двору крепости, стараясь согреться. Погода была прекрасная, но подмораживало. А Элис ни за что не хотел заходить внутрь, пока можно. Он шел запрокинув голову и глядел в ясное небо над башнями, походка его была легкой и упругой, словно он ступал по дерну.

– Мы бы могли тебя тут еще подержать, затянув переговоры о нашем шерифе, – лукаво предложил Кадфаэль. – И ты бы тут отсиживался сколько угодно.

– О нет! – расхохотался Элис. – Нет, только не это! Лучше жена в Уэльсе, чем свобода здесь! А еще лучше Уэльс без жены, – воскликнул этот жених поневоле, все еще смеясь над собой. – В конце концов, женюсь я или нет – все едино. У меня все же останутся моя охота и мои друзья.

«Да, – подумал Кадфаэль, покачав головой, – невеселое будущее ожидает эту малютку по имени Кристина, если ей требуется от мужа больше, чем может дать добродушный юнец, готовый терпеть ее, но совершенно не расположенный

любить. Впрочем, многие счастливые браки начинались не лучше, чем этот».

Они дошли до арки, ведущей во внутреннюю часть крепости, и прямо к их ногам лег луч солнца, яркий, но холодный. Тут, в угловой башне, располагались покои Жильбера Прескота. Шериф предпочитал их дому в городе. Солнце осветило узкую дверь между зубцами стены, которая вела в жилище Прескота. В этот миг на пороге появилась девушка – полная противоположность маленькой валлийке. Высокая и стройная, как березка, с нежным овалом лица и ослепительными серебристыми волосами. Солнце засияло в этих волнистых волосах, когда девушка задержалась на пороге, поеживаясь от холода.

При виде этой картины Элис застыл на месте как вкопанный. Глаза его округлились, рот приоткрылся. Девушка запахнула плащ и, закрыв за собой дверь, быстро направилась к арке, ведущей в город. Кадфаэлю пришлось дернуть молодого человека за рукав, чтобы вывести его из оцепенения, так как они стояли у девушки на пути. Монах хотел таким образом напомнить Элису, что тот слишком пристально смотрит на девушку и она может оскорбиться, если заметит. Юноша послушно отошел в сторону, но, пройдя несколько шагов, повернулся и снова замер.

Девушка прошла под аркой, улыбаясь такому прекрасному утру, однако в лице ее читались тревога и печаль. Элис отошел не настолько далеко, чтобы остаться незамеченным, и девушка, ощутив чье-то присутствие, резко обернулась. На короткое мгновение взгляды их встретились, и Элис увидел, что глаза у нее темно-синие, как барвинки. Девушка замедлила шаг и нерешительно улыбнулась Элису, словно доброму знакомому. Нежный розовый румянец окрасил ее щеки, но она тут же опомнилась и, отведя взгляд, поспешила к выходу.

Элис смотрел ей вслед, пока она не прошла в ворота и не скрылась из виду.

Юноша густо покраснел.

– Кто эта леди? – нетерпеливо спросил он, и в голосе его ощущалось благоговение.

– Эта леди – дочь шерифа, того самого, который, как мы надеемся, жив и находится в плену у валлийцев, – ответил Кадфаэль. – Именно его мы собираемся обменять на тебя. Жена Прескота приехала в Шрусбери как раз по

этому делу и привезла с собой падчерицу и маленького сына, надеясь вскоре приветствовать своего повелителя. Это его вторая жена. Мать девушки умерла, не подарив шерифу сына.

– Ты знаешь ее имя? Имя этой девушки?

– Ее зовут Мелисент, – ответил Кадфаэль.

«Мелисент!» – беззвучно произнесли губы молодого человека. Вслух он сказал, обращаясь скорее к небу и солнцу, чем к Кадфаэлю:

– Ты когда-нибудь видел такие волосы? Они как серебряная пряжа, тоньше осенней паутинки! А лицо у нее как снег и розы… Сколько ей лет?

– Откуда мне знать? Судя по всему, лет восемнадцать. Полагаю, она ровесница твоей Кристины, – сказал Кадфаэль, не слишком-то мягко напоминая юноше о действительном положении вещей. – Ты окажешь ей большую услугу, если благодаря тебе к ней вернется отец. А насколько мне известно, ты горишь от нетерпения попасть домой, – с ударением заключил он.

Элис с усилием оторвал взгляд от угла, за которым скрылась Мелисент Прескот, и заморгал, ничего не понимая, словно только что пробудился от глубокого сна.

– Да, – неуверенно отозвался он и зашагал дальше, все еще пребывая в оцепенении.

В середине дня, когда брат Кадфаэль пополнял на зиму свой запас целительных снадобий, в сарайчик вошел Хью. Из растворенной двери потянуло сквозняком – дул восточный ветер. Захлопнув дверь, Хью согрел руки над жаровней, налил себе вина из фляжки Кадфаэля и без приглашения уселся на широкую скамью у стены. Он чувствовал себя как дома в этом полутемном мирке, где пахло деревом и шуршали сушеные травы. Кадфаэль проводил тут много времени, а Хью нигде так хорошо не думалось, как в сарайчике монаха.

– Я только что был у аббата и выпросил тебя на несколько дней.

– И он охотно меня одолжил? – с интересом осведомился Кадфаэль, закупоривая еще теплый кувшинчик.

– Да, охотно. По уважительной причине и ради благой цели. Он, так же как я, болеет за то, чтобы найти и вернуть Жильбера. И чем скорее мы убедимся, что такой обмен возможен, тем лучше для всех.

С этим Кадфаэль не мог не согласиться. Он с легким беспокойством размышлял об утренней встрече Элиса и Мелисент. Видение, столь непохожее на все привычное и валлийское, могло ослепить молодые впечатлительные глаза. Но не следовало забывать о прежних обязательствах и о долге чести, которого так строго придерживаются в Уэльсе. А хуже всего то, что Жильбер Прескот питал к валлийцам застарелую ненависть.

– Мне нужно охранять границу и заботиться о гарнизоне, – сказал Хью, держа чашу с вином обеими руками, чтобы согреть ее. – А тут еще соседи по ту сторону границы, опьяненные собственной удалью и готовые пуститься во все тяжкие ради новых завоеваний. Мы понимаем, что отправиться с посланием к Овейну Гуинеддскому – предприятие весьма рискованное. Я бы поостерегся направить туда человека, не владеющего валлийским, так как рисковал бы никогда больше его не увидеть. В Уэльсе может сгинуть даже вооруженный до зубов отряд. А ты валлиец, на тебе не кольчуга, а ряса, и в Уэльсе у тебя полно родни. Кроме того, я считаю, что для валлийцев ты гораздо опаснее, чем любой вооруженный отряд. Тебе хватит небольшой охраны на тот случай, если повстречаются разбойники. Что ты на это скажешь?

– Я валлиец и потому счел бы для себя позором, если бы не насчитал шестнадцати колен родословной. Некоторые из моих родственников живут поблизости от границы между Уэльсом и нашим графством, это поможет мне добраться до Гуинедда.

– Кстати, стало известно, что Овейн вряд ли сейчас в Гуинедде. Поскольку Ранульф Честерский гордится своими завоеваниями и жаждет новых, принц отправился на восток, чтобы присматривать за ним. Такие ходят слухи. Не исключено, что Овейн на нашем берегу реки Беруинз, в Синллейте или Глин-Сейриоге и не спускает глаз с Честера и Рексэма.

– Это на него похоже, – согласился Кадфаэль. – Он умеет предвидеть события. И каково же твое поручение?

– Узнать у Овейна Гуинеддского, не у них ли с братом содержится в плену наш шериф, захваченный в Линкольне. А если Прескот у него или Овейн может его разыскать, то спроси, не хочет ли принц обменять его на своего юного родственника Элиса ап Синана. Ты лучше, чем кто-либо другой, можешь рассказать, что этот молодой человек цел и невредим. Мы дадим ему любые ручательства, какие он пожелает. Всем известно, что он человек слова, а что касается меня, то он может усомниться в моей порядочности. Возможно, он даже не слыхал моего имени. Так ты едешь?

– Когда нужно выехать? – спросил Кадфаэль, отставляя кувшинчик в сторону, чтобы он охлаждался, и усаживаясь подле друга.

– Завтра, если ты можешь оставить на кого-нибудь все свои дела, – ответил Хью.

– Смертный всегда должен быть готов оставить на кого-нибудь все свои дела, – спокойно сказал Кадфаэль. – Освин теперь удивительно ловко управляется с травами, я от него такого не ожидал, когда он впервые появился. А брат Эдмунд – мастер в своем деле и вполне способен обойтись без меня. Если отец аббат меня отпускает, я в твоем распоряжении. Сделаю все, что смогу.

– Тогда приходи в крепость завтра после заутрени, тебе дадут доброго коня. – Хью знал, что это великий соблазн для его друга, и улыбнулся, видя, как у того загорелись глаза. – Тебя будут сопровождать несколько отборных воинов. Остальное сделает твой валлийский язык.

– Это верно, – благодушно согласился Кадфаэль. – Вовремя сказанное по-валлийски слово лучше любого щита. Итак, я приду завтра утром. А ты изложи толком свои условия на пергаменте. Овейн любит порядок в делах и требует, чтобы грамота была составлена по всем правилам.

В то утро погода стояла пасмурная, не то что накануне. После заутрени Кадфаэль надел сапоги и плащ и, выйдя в город, направился к крепости. Его спутники уже поджидали, а лошади были оседланы. Он знал всех этих людей. Был тут и юноша, которого Хью отправлял в качестве заложника, если

переговоры увенчаются успехом.

Улучив минутку, Кадфаэль зашел попрощаться с Элисом в его узилище. В этот час пленник был еще совсем сонный и довольно угрюмый.

– Пожелай мне удачи, мой мальчик, ведь я еду по делу, связанному с твоим обменом. Если обе стороны проявят добрую волю и нам немного повезет, через пару недель ты, возможно, уже отправишься домой. Представляю, как ты будешь счастлив, вернувшись в Уэльс и снова став свободным человеком.

От Элиса явно ждали подтверждения, и он сделал это, но тон был совершенно безразличный.

– Однако пока нет точных сведений, что ваш шериф там? И даже если это так, то на поиски его может уйти много времени и не сразу удастся получить его от Кадваладра.

– В таком случае, – сказал Кадфаэль, – тебе придется запастись терпением и еще некоторое время пробыть в плену.

– Ну что же, придется так придется, – заявил Элис слишком бодро для человека, который никогда не мог похвалиться такой добродетелью, как терпение. – Однако я верю, что все пройдет благополучно, – сдержанно добавил он.

– Веди себя хорошо в мое отсутствие, – посоветовал Кадфаэль и повернулся, собираясь уходить. – Я передам от тебя привет твоему двоюродному брату Элиуду, если встречу его, и сообщу, что ты не пострадал.

Элис радостно принял это предложение, но ему в голову не пришло упомянуть в связи с этим еще одно имя, а Кадфаэль в свою очередь тоже воздержался. Он был уже у дверей, когда Элис остановил его:

– Брат Кадфаэль…

– Да? – обернулся монах.

– Эта леди… ну, та, которую мы вчера встретили, дочь шерифа…

– Ну?

– Она помолвлена?

«Итак, – подумал Кадфаэль, садясь в седло, – чем скорее мы вернемся, тем лучше. Конечно, они не перемолвились ни одним словом и вряд ли перемолвятся. Как только Элис окажется дома, он забудет ее. Если бы не серебристые кудри Мелисент, которые делают ее столь непохожей на темноволосых валлийских девушек, он бы не обратил на нее никакого внимания».

Кадфаэль с нарочитым равнодушием ответил на вопрос Элиса, сказав, что понятия не имеет о намерениях шерифа относительно его дочери. Он с трудом удержался от резких слов, вертевшихся у него на языке. Бесполезно отговаривать такого своевольного парня – это еще больше распалит его. А вот если на пути у него не будет никаких препятствий, он может остыть. Эта девушка определенно обладает грацией и красотой, трогательной от того, что на ней лежит печать тревоги и печали об отце. Дай Бог, чтобы поездка в Уэльс увенчалась успехом, и чем скорее, тем лучше!

Всадники выехали из Шрусбери и во весь опор поскакали на северо-запад, кратчайшим путем направляясь в Освестри.

Сибилла, леди Прескот, была на двадцать лет моложе своего мужа. Эта хорошенькая заурядная женщина обладала добрым нравом и со всеми держалась приветливо. Ее достоинство заключалось в том, что, в отличие от первой жены шерифа, ей удалось родить ему сына. Жильберу-младшему было семь лет, и он был зеницей ока для отца и светом очей для матери – оба в нем души не чаяли. Хотя Мелисент баловали и во всем потакали ей, она чувствовала себя заброшенной. Однако она не обижалась и очень любила своего хорошенького братца. Наследник есть наследник, и наследница не идет с ним ни в какое сравнение.

Несмотря на то что покои шерифа в крепостной башне постарались сделать уютными, от каменных стен тянуло холодом и по комнатам гуляли сквозняки.

Сибилла приехала в Шрусбери с сыном по исключительному поводу. Она имела в своем распоряжении шесть маноров, да и Хью предложил ей остановиться у него в городском доме. Однако леди Прескот привезла с собой много слуг, и им было не разместиться у Хью. Она предпочла свое мрачное, но просторное жилище в башне. Ее муж привык жить здесь в одиночестве, когда обязанности вынуждали оставаться при гарнизоне. Сибилла, которая тосковала по мужу, хотела дождаться его в этом жилище, каким бы спартанским оно ни было.

Мелисент любила своего младшего брата и не считала неправильным, что он станет наследником всего имущества отца, а ей останется только скромное приданое. Вообще-то, она всерьез задумывалась о том, чтобы постричься в монахини и вовсе не притязать на наследство. Мелисент притягивало торжественное благолепие храма, но у нее достало здравого смысла понять, что монашество не ее призвание. Ей не хватало непреодолимой тяги к святости.

Так, например, на нее подействовал восхищенный и растерянный взгляд молодого пленного валлийца. Почувствовав на себе этот взгляд, она остановилась под сводами арки, ее поразили не его красота и молодость, а прикованный к ней зачарованный взор его темных глаз.

Она всегда со страхом думала о валлийцах, считая их неотесанными дикарями. А тут вдруг перед ней предстал нарядный и привлекательный юноша, глаза которого заблестели, а щеки запылали, когда их взгляды встретились. С тех пор Мелисент много думала о нем. Она расспрашивала о пленнике, стараясь не выдать, насколько он завладел ее воображением. И вот в тот самый день, когда брат Кадфаэль отправился на поиски Овейна Гуинеддского, Мелисент из окна башни увидела Элиса. Молодые люди из гарнизона уже приняли его в свою компанию, и сейчас он, раздевшись до пояса, боролся с самым сильным из них. Англичанин превосходил его силой и весом, и Элис со всего маху упал на землю. В тревоге за него Мелисент затаила дыхание, но Элис со смехом поднялся и дружески хлопнул победителя по плечу. Все его движения были грациозны, а во взгляде читалось великодушие.

Взяв плащ, Мелисент устремилась вниз по каменной лестнице, направляясь к арке, через которую должен был пройти Элис, чтобы попасть в свою темницу. Уже начинали сгущаться сумерки, и все, прервав работу и развлечения, собирались ужинать. Элис прошел под аркой, прихрамывая и что-то насвистывая. Теперь наступила его очередь повернуться, почувствовав на себе чей-то взгляд.

Мелодия замерла у Элиса на губах. Он остановился, затаив дыхание. Взгляды их встретились, оба были не в силах отвести глаза.

– Сэр, – обратилась девушка к Элису, – боюсь, что вы сильно ушиблись.

Мелисент заметила, что по всему телу юноши пробежала дрожь, и он вздохнул.

– Нет, – ответил он неверным голосом, словно во сне. – Нет, до этой минуты. Но теперь я смертельно ранен.

– Я полагаю, – робко начала она, – вы меня еще не знаете…

– Нет, знаю, – возразил он. – Вы Мелисент. Это вашего отца должны обменять на меня – такова цена…

Да, цена, роковая цена, но глаза их и руки противились этой цене, притягиваясь все ближе, и наконец руки соприкоснулись, и не стало пути назад…

Глава третья

Если, возвращаясь с добычей и пленными в свой замок в Аберистуите, Кадваладр и позволял себе вольности, то на севере Овейн Гуинеддский железной рукой наводил порядок. После того как брат Кадфаэль со своими спутниками углубился в Уэльс, оставив Освестри по правую руку, они всего пару раз столкнулись с неприятными неожиданностями. В первый раз то были трое разбойников, которые напали было на них, но, увидев, что численный перевес не на их стороне, поспешно скрылись в чаще.

Во второй раз Кадфаэля чуть не задержал дозор, состоявший из вспыльчивых валлийцев. Однако, услышав спокойное приветствие Кадфаэля на родном языке, дозорные прониклись к нему дружескими чувствами и под конец даже рассказали о передвижениях принца. Многочисленная родня Кадфаэля, все эти двоюродные и троюродные братья, а также общие предки служили прекрасным пропуском в Клуиде и Гуинедде.

Таким образом Кадфаэль узнал, что Овейн отправился из своего орлиного гнезда на восток, чтобы смотреть там в оба за Ранульфом Честерским. Проверив границу владений Честера, принц по реке Ди добрался до Корвена. Это были первые сведения, полученные Кадфаэлем. Позже, у Ривласа, он встретил людей, утверждавших, что принц переправился через реку Беруинз и, дойдя до Глин-Сейриога, сейчас, видимо, разбил лагерь у Лланармона. Не исключено также, что он у своего союзника и друга Тудура ап Риса – у того манор в Трегейриоге. Зная, что Овейн Гуинеддский значительно разумнее многих валлийцев, Кадфаэль решил направиться в Трегейриог. К чему разбивать лагерь зимой, когда рукой подать до верного соратника, у которого крепкая крыша над головой и полно припасов и к тому же дом стоит в защищенной от ветра долине, а не среди мрачных холмов?

Манор Тудура ап Риса находился в расщелине, куда спускался горный ручей, впадавший в реку Сейриог. Границы его владений хорошо охранялись: не успел отряд Кадфаэля продраться сквозь заросли кустарника, как на тропинке показались двое воинов. Окинув всадников внимательным взглядом, валлийцы сочли их безобидными еще до того, как Кадфаэль приветствовал их на родном языке. Валлийский язык и ряса Кадфаэля окончательно успокоили их. Молодой воин попросил своего товарища пойти предупредить Тудура о приезде гостей, а сам не спеша проводил их до места. За рекой, на опушке леса, виднелись каменистые поля и сараи. Угрюмые бурые холмы поднимались вверх, круглая белая вершина вырисовывалась на фоне свинцового неба.

Тудур ап Рис вышел приветствовать гостей – коренастый мужчина могучего телосложения с густыми каштановыми волосами, чуть тронутыми сединой. Голос у него оказался звучный и мелодичный, складывалось впечатление, что Тудур не говорит, а поет. Бенедиктинский монахваллиец, которому к тому же поручили вести переговоры, был ему в диковинку. Однако Тудур, ничем не выдав своего удивления, вежливо пригласил гостя в дом. Вскоре в комнату вошла девушка, которая по валлийскому обычаю принесла воды, чтобы гость омыл ноги. Принимая эту услугу, гость показывал, что собирается провести в доме ночь.

До появления этой девушки Кадфаэлю не приходило в голову, что владелец Трегейриога – тот самый человек, о дочери которого говорил Элис, рассказывая, что с детства помолвлен с «маленькой темноволосой особой, которая умна и по-своему красива». Она стояла сейчас перед Кадфаэлем, держа в руках таз, от которого шел пар. Она скромно держалась при госте, но по платью и манерам было видно, что это дочь Тудура. Девушка была маленького роста, но хорошо

сложена, с горделивой осанкой. Была ли она умна? Живая и уверенная в себе, и при всей ее почтительности к гостю чувствовалось, что она умеет поставить на своем. Темноволосая? Да, конечно. Волосы черные как вороново крыло, но с едва заметным рыжеватым оттенком, как и у черных глаз. Красива? Не особенно – черты лица неправильные, глаза широко расставлены, лицо сужалось, оканчиваясь острым подбородком. Однако, когда девушка делала какое-либо движение или заговаривала, в ней ощущалась такая искрящаяся живость, что это искупало недостаток красоты.

– Я с благодарностью принимаю твою услугу, – сказал Кадфаэль. – А ты, должно быть, Кристина, дочь Тудура. Если это так, мне нужно передать тебе и Овейну Гуинеддскому весть, которая, наверное, вас обрадует.

– Я действительно Кристина, – ответила девушка, оживившись. – Но каким образом монах из Шрусбери узнал мое имя?

– От молодого человека по имени Элис ап Синан, о котором ты, вероятно, горевала, считая его погибшим. Он находится в крепости Шрусбери, целый и невредимый. Ты, наверное, ничего о нем не слышала с тех пор, как брат принца привел свое войско из Линкольна?

На лице Кристины не дрогнул ни один мускул, но глаза расширились и засияли.

– Моему отцу сказали, что Элис остался вместе с теми, кто утонул в ручье у границы, – сказала Кристина, – и что о судьбе его ничего не известно. Он действительно жив? И находится в плену?

– Не беспокойся, он не ранен, и без особого труда его можно вызволить из плена. Он вернется домой и, надеюсь, станет тебе хорошим мужем.

«Да, как же! Тут можно сколько угодно забрасывать наживку, но рыбку не поймаешь, – подумал брат Кадфаэль, глядя в непроницаемое лицо девушки. – У нее свои секреты, их из нее не вытянуть».

Взглянув Кадфаэлю прямо в глаза, Кристина сказала:

– Элиуд будет рад. Элис, наверное, упоминал и о нем? – Но она заранее знала ответ.

– Он что-то говорил о каком-то Элиуде, – осторожно промолвил Кадфаэль, чувствуя, что ступил на зыбкую почву. – Я так понял, что это двоюродный брат, с которым они вместе росли, как родные братья.

– Они ближе чем братья. Можно мне сообщить Элиуду эту новость или нужно подождать, пока ты поужинаешь и расскажешь моему отцу о порученном тебе деле?

– Элиуд здесь?

– Нет, сейчас его нет. Он с принцем где-то у северной границы. Они вернутся вечером. Они живут у нас, а лагерь Овейна тут неподалеку.

– Это хорошо, так как мое поручение связано с обменом Элиса ап Синана на пленника, который представляет для нас большую ценность и которого принц Кадваладр, вероятно, захватил в Линкольне. Если это столь же добрая весть для Элиуда, как для тебя, ты бы поступила по-христиански, как можно скорее успокоив его.

Выражение лица Кристины не изменилось, когда она вымолвила:

– Я непременно скажу Элиуду, как только он появится. Было бы жаль, если бы столь пылкая братская любовь была омрачена малейшим промедлением.

В ее медовом тоне чувствовалась горечь, глаза девушки сверкали. Поклонившись, она удалилась, предоставив Кадфаэлю возможность умыться перед вечерней трапезой. Он наблюдал, как девушка вышла с гордо поднятой головой – стремительно, но бесшумно, словно охотящаяся рысь.

Так вот как обстоят дела в этом уголке Уэльса! С одной стороны – девушка, имеющая четкое представление о своих правах и привилегиях, с другой стороны – несмышленый юноша, совсем еще ребенок по сравнению со своей невестой. Он шествует по жизни в обнимку со своим братом, забывая о нареченной. А девушка, обладающая недюжинным умом и обуреваемая страстями, восстает

против подобного положения вещей, не желая быть третьей лишней.

Знала бы она, что ей не о чем печалиться! Девушки взрослеют гораздо раньше юношей. Все, что ей нужно сделать, – это немного подождать и употребить оружие, данное ей от природы, и тогда она перестанет быть третьей лишней, которой пренебрегают. Но она слишком горда, вспыльчива и не расположена ждать.

Приведя себя в порядок, Кадфаэль пошел в зал, где был подан простой, но обильный ужин. У дверей в полумраке горели факелы, и с севера, со стороны Ллансантффрейда, доносился стук копыт возвращавшегося из дозора отряда. Столы в зале были накрыты, огонь в очаге пылал, и к закопченному потолку поднимался ароматный дым. Овейн Гуинеддский, повелитель северного Уэльса, довольный и проголодавшийся, прошел к своему месту за столом, расположенным на возвышении.

Кадфаэль видел его прежде всего один раз, но такого человека, как Овейн, невозможно было забыть. Принц не придавал никакого значения церемониям и пышным ритуалам и никогда не подчеркивал, что в жилах его течет королевская кровь. В свои тридцать семь лет он находился в расцвете сил. Высокого роста, светловолосый, Овейн пошел в свою бабушку, датчанку Рагнхилд, и мать Ангхарад, которая славилась своими соломенными волосами среди темноволосых женщин юга. Окружавшие Овейна молодые люди пытались подражать его уверенным манерам, но у них это плохо получалось, оборачиваясь какой-то развязностью и чванливостью. Кадфаэль гадал, кто же из этих шумливых юношей Элиуд ап Гриффит и сказала ли ему Кристина, что Элис жив. А если сказала, то любопытно, какие выражения употребила эта девушка, терзаемая ревностью?

– Это брат Кадфаэль из Шрусберийского бенедиктинского аббатства, – сердечным тоном представил Кадфаэля Тудур, усаживая его неподалеку от принца за стол на возвышении. – Милорд, он прибыл к вам с поручением от своего города и графства.

Овейн окинул оценивающим взглядом голубых глаз крепкую фигуру и обветренное лицо Кадфаэля и погладил свою коротко остриженную бородку.

– Я приветствую тебя, брат Кадфаэль, а также дружелюбные края, в которых я могу рассчитывать на прочный мир.

– Кое-кто из наших с вами соплеменников недавно наведался не с самыми дружелюбными намерениями в Шропшир, после чего мир не стал более прочным, – напрямик сказал Кадфаэль. – Наверное, вы об этом уже слышали. Ваш брат лично не участвовал в этом набеге и, возможно, даже не давал на него разрешения. Однако несколько его воинов утонули у нас в ручье, мы их похоронили как подобает. Одного из этих молодцов добрые сестры бенедиктинской обители вытащили из воды. Быть может, ваша светлость захочет вернуть его, так как, по словам этого пленника, он приходится вам родственником.

– В самом деле? – Голубые глаза Овейна прояснились. – Я был так занят графом Честерским, что упустил из виду дела своего брата. По пути из Линкольна домой его люди много набедокурили, и все это недешево мне обойдется. Назови имя пленника.

– Его зовут Элис ап Синан.

– А! – с довольным видом выдохнул Овейн и со звоном поставил кубок на стол. – Значит, этот глупый мальчишка жив? Я в самом деле рад это слышать и благодарю Господа за спасение Элиса, а тебя, брат, за добрые вести. Ни один человек из отряда моего брата не мог сказать, каким образом он пропал и что с ним случилось.

– Они так быстро бежали, что им некогда было оглянуться, – кротко заметил Кадфаэль.

– От человека одной со мной крови я стерплю подобные слова, – усмехнулся Овейн. – Значит, Элис жив и находится в плену? Он ранен?

– Всего лишь царапина. Да и ума у него теперь прибавилось. Мое поручение заключается в том, чтобы предложить вам обмен, если среди пленных вашего брата окажется шериф нашего графства. Меня прислал Хью Берингар из Мэзбери, который передает вам просьбу Шропшира вернуть нашего шерифа Жильбера Прескота. Хью Берингар уполномочил меня засвидетельствовать вам его почтение и заверить, что мы и впредь намерены сохранять с вами мир.

– Самое время, – сухо заметил Овейн. – При нынешнем положении дел это во благо и нам, и вам. Где теперь находится Элис?

– В крепости Шрусбери, где он может свободно передвигаться, поскольку дал слово чести.

– И вы хотите поскорее сбыть его с рук?

– Мы с этим не торопимся, – ответил Кадфаэль. – Мы хорошего мнения об Элисе, так что можем подержать его еще некоторое время. Но нам бы хотелось получить шерифа, если он жив и находится у вас в плену. Хью искал его после битвы и не нашел никаких следов, а именно валлийцы вашего брата остались хозяйничать на поле, где сражался Прескот.

– Останься тут на пару дней, – предложил принц. – Я пошлю к Кадваладру выяснить, не у него ли ваш человек. И если это так, вы его получите, даю слово.

После ужина пели, играли на арфе и пили доброе вино – еще долго после того, как гонец принца отправился в свой неблизкий путь в Аберистуит. Молодые петушки Овейна и воины, сопровождавшие Кадфаэля, затеяли дружескую возню и шумно состязались в борьбе. Хью предусмотрительно отобрал тех, у кого была родня в Уэльсе, что в Шрусбери сделать было совсем нетрудно.

– Который из них Элиуд ап Гриффит? – спросил Кадфаэль, обводя взглядом зал, в котором было дымно от горящих факелов и пылавших в очаге поленьев. Стоял разноголосый гул.

– Я вижу, Элис и в плену болтлив, как на воле, – улыбнулся Овейн. – Его двоюродный брат сидит на конце ближнего стола, не сводя с тебя глаз и ожидая возможности заговорить с тобой, как только я отойду. Это вон тот долговязый парень в синей куртке.

Элиуда нельзя было ни с кем спутать, хотя внешним видом он совершенно не походил на Элиса. Элиуд так и впился взглядом в Кадфаэля и, горя от нетерпения, жаждал устремиться вперед. Сжалившись над юношей, Овейн поманил его пальцем, и тот полетел, словно пущенное копье. Элиуд оказался

высок и худ. Черты его серьезного овального лица были тонкие, как у женщины, карие глаза блестели. Чувствовалось, что он одержим тревогой за ближнего – сейчас это была тревога за Элиса ап Синана. В другое время это могла быть тревога за Уэльс, за своего принца, а в один прекрасный день – за любимую женщину. Как бы то ни было, эта тревога всегда будет мучить Элиуда, и, наверное, никогда ему не знать покоя.

Элиуд преклонил перед принцем колено, и тот, ласково потрепав юношу по плечу, сказал:

– Садись сюда, рядом с братом Кадфаэлем, и спрашивай его о чем хочешь. Впрочем, самая лучшая новость тебе уже известна. Твой брат жив, и его можно выкупить.

С этими словами Овейн оставил их и пошел посовещаться с Тудуром. Элиуд тут же уселся и, облокотившись о стол, наклонился к Кадфаэлю:

– Брат, правду ли мне сказала Кристина? Элис у вас в Шрусбери, живой? Они вернулись без него… Я посылал, чтобы узнать, но никто не мог мне сказать, где и как он потерялся. Я искал и расспрашивал повсюду, и принц тоже, хотя он и превращает все в шутку. Элис – воспитанник моего отца. Ты сам валлиец и понимаешь, что это такое. Мы вместе выросли, ни у Элиса, ни у меня больше нет братьев…

– Конечно понимаю, – согласился Кадфаэль. – И я повторю то, что тебе сказала Кристина. Элис жив, здоров и в полной безопасности.

– Ты видел его? Говорил с ним? Ты уверен, что это именно Элис, а не кто-нибудь другой? Ведь если бы какой-нибудь красивый юноша из их отряда оказался в плену, – пояснил Элиуд извиняющимся тоном, – он мог бы назваться именем, которое сослужило бы ему лучшую службу, чем его собственное…

Брат Кадфаэль описал ему Элиса и, набравшись терпения, рассказал всю историю о том, как его спасли, когда он тонул в ручье, и как он упрямо говорил только по-валлийски, пока ему не бросил вызов другой валлиец. Элиуд жадно слушал, не пропуская ни слова, и на лице его читалось облегчение.

– Значит, он был так неучтив по отношению к женщинам, которые спасли его? Ну, теперь-то я не сомневаюсь, что это Элис. Представляю, какой стыд он испытал из-за того, что его спасли женщины и вернули к жизни, как новорожденного, которого шлепком заставляют дышать! – Оказалось, что этот серьезный юноша умеет смеяться: лицо его преобразилось, глаза искрились весельем. Любовь, которую он питал к своему молочному брату, вовсе не была слепой. Элиуд знал его как облупленного, бранил его и отчаянно спорил с ним, но это ничуть не вредило его любви. Кристине и впрямь предстояла нелегкая борьба! – Значит, его передали вам монахини? А он не ранен?

– Нет, только ободрался об острый камень в ручье, когда тонул. Но на рану наложили мазь, и все уже зажило. Больше всего его мучило, что ты будешь оплакивать его, считая погибшим. Так что моя поездка в Уэльс помогла и твоему, и его горю. Нет нужды беспокоиться об Элисе ап Синане. Даже в английской крепости он очень скоро почувствовал себя как дома.

– Это так похоже на него, – согласился Элиуд, и в его тихом голосе прозвучала снисходительная нежность. – Таким он был, таким и останется. Но он настолько неосторожен, что иногда я за него боюсь!

«Не иногда, а всегда ты боишься за него, – подумал Кадфаэль, когда молодой человек отошел от него и все в зале стали устраиваться на ночлег возле очага, в котором догорали поленья. – Даже теперь, узнав, что его друг жив и здоров, он идет, сдвинув брови, и взор его обращен внутрь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/piters_ellis/vykup-za-mertveca

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити